

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽²⁾
ВЕСНА — ЛЕТО
2005

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов.* «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101–1113) 5
- Н.А. Добронравин.* Фула-хауса-арабская медицинская рукопись «Фә'ида ҳақйқа шурб ас-санә'» (из собрания СПбФ ИВ РАН) 35
- С.Б. Чернецов** Биография на службе агиографии: литературная судьба эфиопского святого Елисея, второго настоятеля Дабра Асбо, в позднейшей дабралибаносской житийной традиции 43

ТЕКСТОЛОГИЯ

- М.С. Пелевин.* Стихотворные фрагменты в афганских религиозно-дидактических сочинениях XVII в. (по рукописям из собрания СПбФ ИВ РАН) 66
- О.М. Чунакова.* Пехлевийские эпистолярные формулы 89
- Е.Ю. Кнорозова.* «Сны Южного старца» Хо Нгуен Чынга 93

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев.* Представления манихеев о времени 111
- К.А. Жуков.* Присоединение бейлика Кареси к Османскому государству (по данным османских хроник, эпиграфики и нумизматики) 127

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2005

<i>А.С. Мартынов.</i> Надписи и модели как памятники культуры (на материале традиционной китайской культуры)	131
<i>И.Т. Зограф.</i> Межуровневые связи и языковая интерференция (на материале документов монгольской канцелярии)	167
<i>Б.В. Норик.</i> Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди	183

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>О.В. Васильева.</i> Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки	217
<i>В.О. Бобровников.</i> Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии	239
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Санкт-Петербургская коллекция материалов по бабизму и религии бахаи (XIX — начало XX в.)	304

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Д.Д. Васильев.</i> О подготовке электронного каталога памятников письменности тюркоязычных кочевников Евразии эпохи раннего средневековья (по материалам коллекций российских музеев)	321
<i>Ц.П. Ванчикова.</i> Международный семинар «Письменное наследие монгольских народов: актуальные проблемы информационного обеспечения восточноведных исследований», Улан-Удэ, 2–6 августа 2004 г.	323

На четвертой стороне обложки:

«Пурпурный» Коран. Ок. 1440 г. Северная Африка. Из собрания П.П. Дубровского (к статье О.В. Васильевой)

Над номером работали:

Р.И. Котова
В.В. Волгина
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман
И.Г. Ким
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
А.В. Богатюк

РЕЦЕНЗИИ

<i>О.В. Васильева.</i> Л.В. Дмитриева. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук	327
<i>К.А. Жуков.</i> Восточный сборник. Вып. 6. Сост. и ред. О.В. Васильева	329
<i>Р.В. Березкин.</i> Чэ Силунь. Чжунго баоцзюань цзун му (Сводный каталог китайских <i>баоцзюань</i>)	331
Памяти коллеги Алексей Георгиевич Сазыкин (1943–2005)	335

Межуровневые связи и языковая интерференция

(на материале документов монгольской канцелярии)

Теория уровней в языкознании родилась, как известно, в результате стремления к более строгому и адекватному наблюдению и описанию языка. Уровни языка существуют внутри данной языковой системы, они выделяются в соответствии с ее основными единицами, поэтому число и свойства уровней в каждом конкретном языке и их разграничение находятся в тесной связи с типологическими свойствами данного языка.

Уровни языковой структуры не изолированы друг от друга, и не всегда можно разграничить их сферы действия — это свойство языковой системы можно наблюдать и в плане синхронии, но особенно отчетливо оно проявляется в плане диахронии.

Поскольку теория уровней, как и основные положения и категории науки о языке, до последнего времени разрабатывалась в первую очередь на материале флективных языков, привлечение данных по языкам других типов, и в частности китайского, несомненно может представить определенный интерес.

Китайский язык относится к языкам изолирующим. Для таких языков характерно отсутствие морфологии в традиционном понимании этого слова (имеется ограниченное словоизменение, причем формами слова выражаются только несинтаксические, неграмматические категории, например число существительного, время и вид глагола). Поскольку китайский язык лишен морфологии, основным средством выражения грамматических отношений здесь помимо порядка слов, который в результате приобретает серьезную функциональную значимость, являются служебные (грамматические) слова, осуществляющие синтаксическую связь. Последние играют здесь практически ту же роль, которая во флективных языках принадлежит словоизменению.

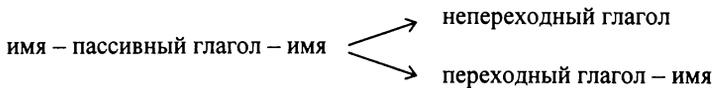
Порядок слов, важный во всех языках, для языков этого типа приобретает особое значение, поскольку он не подкреплён морфологией; грамматическим функциям словоформ здесь соответствуют грамматические функции словесных позиций и словесных конструкций.

Таким образом, для китайского языка, где основная единица языка — слово — сама по себе, вне конструкции, не имеет выраженного грамматического значения (не только, естественно, синтаксического, но и морфологического) и не является объектом изучения морфологии, целесообразно рассматривать лексический и грамматический (синтаксический) уровни в плане противопоставления значимых и служебных элементов языка. Следует при этом учитывать, что служебные слова, обычно происходящие от знаменательных, в большинстве случаев сосуществуют в языке с исходными знаменательными словами, сохраняя и смысловую связь с ними, и один и тот же фонетический облик, хотя, конечно, степень связи с исходным словом, т.е. степень грамматикализации, не у всех служебных слов одинакова. Иногда смысловой объем предлога значительно шире, чем смысловой объем исходного знаменательного слова. В служебном и в знаменательном значениях такие слова характеризуются различными функциями, которые они выполняют в предложении, тем не менее граница

между знаменательным словом и материально совпадающим с ним служебным словом не всегда бывает выражена достаточно четко и не всегда оказывается просто разграничить служебные и знаменательные слова.

О путях и способах взаимодействия этих уровней в ходе исторического развития языка, или, иначе говоря, о формировании единиц грамматического уровня современного китайского языка, свидетельствуют, например, следующие три различные группы служебных слов глагольного происхождения.

1. В среднекитайском языке¹ слово 被 *бэй* — полноценный глагол с пассивным значением «подвергаться чему-либо»²; как и некоторые другие глаголы, он управляет целым предложением. В полном составе конструкция может быть передана следующей схемой:

Такую конструкцию можно рассматривать как своего рода сложное предложение, где в функции дополнения к пассивному глаголу выступает целое зависимое предложение. В синтаксическом плане первое имя является подлежащим всей конструкции (т.е. подлежащим при пассивном глаголе); второе имя, стоящее после пассивного глагола (название субъекта действия), служит подлежащим зависимого предложения (т.е. при втором глаголе–сказуемом зависимого предложения); третье имя, стоящее после второго глагола (переходного), является прямым дополнением в зависимом предложении. Если в зависимом предложении употреблен непереходный глагол, дополнение, естественно, отсутствует. Предложенная общая схема, однако, не исчерпывает все возможные случаи. Конструкция может быть различным образом усложнена, в частности, принимать вид: имя – пассивный глагол – имя — побудительный глагол – имя — непереходный глагол – слово со значением места.

Этот тип конструкции, следовательно, возможен в тех случаях, когда сказуемое зависимого предложения выражено непереходным глаголом или когда дополнение при сказуемом–переходном глаголе совпадает с подлежащим всей конструкции (т.е. повторяет подлежащее при пассивном глаголе). Однако чаще встречаются пассивные предложения, которые не отличаются по своей форме от современных. Это такие случаи, когда подлежащее конструкции обозначает объект действия, выраженного вторым глаголом (сказуемым в зависимом предложении), а дополнение при втором глаголе опускается, и, следовательно, после пассивного глагола остаются только название субъекта действия (подлежащее) и следующий за ним переходный глагол (сказуемое). Примеры:

這廝... 被我們拿了這廝 (Шуй А, 156)³

Чжэ сы... бэй вомэнь наляо чжэ сы Мы схватили этого негодяя;

¹ Под среднекитайским языком имеется в виду язык *байхуа* эпох Сун, Юань и начала Мин. В качестве опорных помимо текстов этого времени, которые можно принять в качестве среднекитайских в собственном смысле, используются тексты предшествующей эпохи (Тан), что позволяет, с одной стороны, оттенить специфику собственно среднекитайского, а с другой — продемонстрировать постепенность становления его отличительных черт. Подробнее о среднекитайском языке и памятниках, его представляющих, см. в нашей монографии: *Зограф И.Т.* Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.

² Пассивные глаголы, к которым в среднекитайском языке кроме 被 *бэй* относятся 遭 *цао*, 蒙 *мэн*, 得 *дэ* и 喫 (吃) *чи*, могли образовать и основной тип пассивной конструкции, и выделяемую на основе формальных признаков конструкцию без подлежащего; подробнее см.: *Зограф И.Т.* Среднекитайский язык. С. 252–263.

³ Полные названия сокращенных обозначений использованных текстов приводятся в конце статьи.

是時遠公由未了遂被會下諸衆及相公再請遠公重升高座 (Дх., 191)

Ши ши Юань-гун ю вэй ляо, суй бэй хуэй-ся чжучжун цзи сянгун цзай цин Юань-гун чун шэн гао цзо В это время не успел Юань-гун еще кончить, как подвергся тому, что все присутствующие на собрании вместе с министром снова пригласили Юань-гуна подняться на возвышение;

共渡襄河被寒水傷身 (Дх., 10)

Гун ду жан хэ, бэй хань шуй шан шэнь Мы вместе переходили Жанхэ и подверглись тому, что холодная вода погубила нас;

幾多珠玉被水陷 (Шуан, 559)

Цзидо чжэ юй бэй шуй сянь! Сколько жемчуга, яшмы поглощено водой!

其夫已被軍殺了 (Ши, 4, 48)

Ци фу и бэй цзюнь шаляо Ее муж был уже убит ратниками.

В современном языке слово 被 бэй утратило свои глагольные свойства и, функционируя в служебной роли, стало лишь показателем залоговых отношений. Поскольку оно занимает позицию перед глаголом, его называют и префиксом, и предлогом, и вспомогательным глаголом⁴. Пример из современного языка⁵:

他被他哥哥罵了一頓

Та бэй та гэзэ мала и-дунь Он был изруган своим старшим братом.

2. В среднекитайском языке слово 把 ба бифункционально — оставаясь материально одним и тем же словом, оно употребляется и в знаменательном значении — как глагол «держать», «взять», и в служебном значении — как предлог; в первом случае оно функционирует как сказуемое — либо как самостоятельное, либо как второстепенное. Слово 把 ба сохраняет свое глагольное значение в сочетании с 作 (爲) цзо (вэй), что соответствует древнекитайскому 以... 爲 и... вэй «считать (кого кем или что чем)»; существительное, стоящее перед 爲 вэй (作 цзо), могло опускаться, и сочетание 把 爲 (把作) бавэй (бацзо) имело то же значение, что и 以 爲 ивэй, — «считать», «полагать» и т.д. В конструкции с непереходными глаголами (главным образом глаголами движения) ни глаголы, ни 把 ба не теряют своего знаменательного значения, при этом глагол движения является главным сказуемым, а 把 ба выступает скорее как второстепенное сказуемое; после слова 把 ба может находиться: а) одушевленное существительное (или местоимение) — лицо, участвующее в действии (которое может быть и опущено); это лицо неравноправно субъекту действия, оно подчинено ему; слово 把 ба переводится либо предлогом («с») или «вместе с»), либо глаголом («вести»); б) неодушевленное существительное — название предмета, который находится при субъекте в момент осуществления действия (которое тоже может быть опущено); слово 把 ба переводится либо предлогом («с»), либо глаголами («взять [с собой]», «нести»). Глагол 把 ба, функционирующий как самостоятельное сказуемое, может оформляться глагольными показателями (как суффиксами, так и модификатором); служебное слово 把 ба невозможно без другого, знаменательного глагола. Примеры глагольного употребления:

各把繩次身子微笑 (Дх., 408)

Гэ ба шэн цы, Шэньцзы вэйсяо Когда каждый из них взял веревку, Шэньцзы улыбнулся;

帝食桃手把其核而不棄之 (Дх., 162)

Ди ши тао, шу ба ци хэ эр бу ци чжи Император съел персики, а косточки держал в руке и не бросал;

⁴ См.: Солнцева Н.В. Страдательный залог в китайском языке. М., 1962.

⁵ Пример взят из кн.: Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка. Т. I. Слово и предложение. М., 1961. С. 87.

不把盞便怎的 (Шуй А, 234)

Бу ба чжань бянь цзэньды? А что будет, если я не возьму вино?

且把旃檀作個座 (Дх., 496)

Це ба чжаньтань цзо гэ цзо Пусть пока послужит [тебе] трон из сандала;

且把一碗冷的來 (Цзин, 40)

Це ба и вань лэндэ лай Принеси пока чашку холодного [вина];

今日把來有甚理說 (Дх., 203)

Цзиньжи ба лай, ю шэнь ли шо? Сегодня [тебя] привели ко мне, что же ты скажешь в свое оправдание?

當下擒將把在將軍馬前 (Дх., 203)

Данся циньцзян, ба цзай цзянцзюнь ма-цянь [Солдаты и офицеры] тотчас схватили [его] и вместе с [ним] предстали перед военачальником, сидевшим на коне;

把取大石填壓死 (Дх., 132)

Бацюй да ши тянья сы Мы возьмем большой камень и завалим [им выход], чтобы [Шунь остался там] умирать;

後母一女把着阿耶 (Дх., 132)

Хоу му и нюй бачжао ае Одна из дочерей мачехи уцепилась за отца;

把了一杯 (Шуй А, 66)

баляо и бэй держал чашу;

把着燈燭 (Шуй А, 66)

бачжао дэнчжу взяв подсвечник.

Препозиция дополнения со служебным словом *把 ба* в среднекитайском языке используется свободнее, чем в современном языке. Она возможна и при глаголах недействия, и при глаголе в отрицательной форме. В этот период рассматриваемую конструкцию можно встретить и при глаголе в словарной форме, т.е. употребленном без оформления и без каких бы то ни было определений к нему, а для стихов в юаньских пьесах это оказывается совершенно нормальным явлением, причем глагол может быть и двусложным и односложным⁶.

В служебном значении *把 ба* употребляется не только с прямым дополнением; если после глагола находится прямое дополнение, то дополнение с *把 ба*, стоящее перед таким глаголом, имеет инструментальное значение:

把門鎖了 (Шуй А, 242)

Ба мэнь соляо Она замкнула дверь;

我把這一餅黃金與了這女子 (Юань, 222)

Во ба чжэ ибин хуанцзинь юйляо чжэ нюйцзы Я дам этот слиток золота девушке;

把這件事不記心了 (Шуй А, 93)

Ба чжэцзянь ши бу цзисинь ляо Он уже и не думал об этом деле;

把崔寧看了一眼 (Цзин, 8)

Ба Цуй Нин каньяо и-кань Он посмотрел на Цуй Нина;

記得當初共伊把青梅來摘 (Цзин, 30)

Цзидэ данчу гун и ба цин мэй лай чжэ Помню, вначале вместе с ним срывали зеленую сливу;

把袖包手來接 (Цзин, 47)

Ба сю бао шоу лай цзе Он обернул руку рукавом и принял [эти вещи];

把草遮面 (Дх., 139)

Ба цао чжэ мянь Он закрыл лицо травой.

В современном языке слово *把 ба* уже не наблюдается в знаменательном значении и сохраняется лишь в служебном, да и то у него заметно сужаются и упрощаются

функции, т.е., иначе говоря, становятся более строгими правила употребления конструкции «воздействия»; оно используется как предлог, который сопровождает только прямое дополнение, обычно стоящее после глагола-сказуемого, но в данной конструкции выносимое в препозицию к глаголу-сказуемому при условии, что в предложении либо есть еще косвенное дополнение (или какое-нибудь другое, подчиненное глаголу и стоящее после него), либо сам глагол морфологически оформлен, при этом прямое дополнение как нечто уже известное выносится вперед, и новым в высказывании является то, что сообщается косвенным дополнением или самим глаголом; инструментальное дополнение вводится с помощью предлога 拿 *на*⁷. Примеры из современного языка⁸:

我把這個秘訣傳給你

Во ба чжэзэ мицзюэ чуань гэи ни Я передам тебе этот секрет;

他把那門輕輕敲了兩下

Та ба на мэнь цинцин цюла лян-ся Он два раза тихонько постучал в дверь.

3. В среднекитайском языке имеется группа бифункциональных слов, большая часть которых представляет собой глаголы движения (в знаменательном значении); в функции предлогов эти слова имеют пространственное или временное значение. Предложное (служебное) и глагольное (знаменательное) значения таких слов очень близки между собой, смысловая связь между ними несомненна. Но, как уже отмечалось, в служебном и глагольном значениях эти слова характеризуются различными функциями, которые они выполняют в предложении. Будучи использованы в знаменательной роли, они являются сказуемыми, а в служебной — не употребляются без другого, знаменательного глагола; глагол в отличие от предлога может иметь обстоятельственные определения и оформляться глагольными показателями. Однако иногда разграничение глагольного и предложного употребления вызывает определенные затруднения. В современном языке эти слова продолжают оставаться бифункциональными и используются как в служебном, так и в глагольном значениях⁹. Примеры¹⁰:

往 *ван* — глагол «направляться», «идти в направлении» и предлог, дополнение с которым указывает направление движения; обычно употребляется при глаголе 去 *цюй* «идти» и стоит перед ним:

今日同往何處 (Цзин, 86)

Цзиньжи тун ван хэчу? Куда вы сегодня вместе направились?

聽見娘說便不往舖裏去 (Цзин, 49)

Тинцзянь нян шо, бьянь бу ван пу-ли цюй Услышав, что сказала мать, он не пошел в лавку;

他家大娘子兩日前已自往娘家去了 (Цзин, 80)

Та цзя данянцизы лян жи-цянъ и цзы ван нянцизя цюйляо Его первая жена два дня тому назад ушла к своим родителям.

到 *дао* — глагол «прибывать в», «достигать» и предлог, дополнение с которым обозначает конечный пункт движения (стоит обычно после глагола-сказуемого, либо

⁷ По мнению Ван Ли (см.: 王力. 漢語史稿. 中冊 [Ван Ли. Опыт истории китайского языка]. Пекин, 1958. С. 414), разграничение функций между 把 *ба* и 拿 *на* произошло к периоду Цин (XVII в.).

⁸ Примеры взяты из кн.: Люй Шу-сян. Очерк грамматики. С. 85.

⁹ О положении в современном языке см.: Янкивер С.Б. О глаголах-предлогах современного китайского языка // Исследования по китайскому языку. Сб. статей. М., 1973. С. 47–62.

¹⁰ Примеры в основном взяты из кн.: Зограф И.Т. Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику «Цзин бэнь тунсу сяошо»). М., 1962.

непосредственно за ним, либо после прямого дополнения) или имеет значение времени (стоит перед глаголом-сказуемым):

那寄書人到了京中 (Цзин, 74)

На цзи шу жэнь даоляо цзин-чжун Тот человек, с которым она переслала письмо, прибыл в столицу;

張勝回到家中 (Цзин, 52)

Чжан Шэн хуэй дао цзя-чжун Чжан Шэн вернулся домой;

老漢親送女兒到你家 (Цзин, 77)

Лаохань цинь сун нюйэр дао ни цзя Я сам провожу дочь к тебе домой;

到晚回來 (Цзин, 53)

Дао вань хуэйлай К вечеру [Чжан Шэн] вернулся.

至 **чжи** — глагол «дойти», «достигнуть» и предлог, дополнение с которым (как и с 到 *дао*) либо обозначает конечный пункт, либо имеет значение времени:

卻隨個老嫗同至建康 (Цзин, 96)

Цюэ суй гэ лао юй тун чжи Цзянькан Она вместе с некой старухой прибыла в Цзянькан;

回至方丈長老設宴管待 (Цзин, 18)

Хуэй чжи фанчжан, чжанлао шэ янь гуаньдай Когда он вернулся в келью, настоятель устроил пир в его честь;

至此日新荷跟父母到郡王府前 (Цзин, 24)

Чжи цы жи Синь-хэ гэнь фу му дао цзюньван фу-цян На следующий день Синь-хэ пошла с родителями к дому князя.

在 **цзай** — глагол «находиться в» и предлог, дополнение с которым указывает либо место действия (стоит перед глаголом-сказуемым), либо место нахождения предмета или лица в результате действия — конечный пункт (стоит после глагола-сказуемого; может быть отделено от глагола прямым дополнением):

小人在京並沒見有此事 (Цзин, 74)

Сяожэнь цзай цзин, бин мэй цзянь ю цы ши Когда я был в столице, я не видел ничего подобного;

守得天黑閉了門在燈下打瞌睡 (Цзин, 77)

Шоудэ тянь хэй, бияо мэнь, цзай дэн-ся да кэшуй Она терпела, пока не наступила темнота, потом закрыла дверь и сидя задремала под лампой;

到得客散留在客房裏歇宿 (Цзин, 76)

Даодэ кэ сань, лю цзай кэфан-ли сесу Когда гости разошлись, [тесть] оставил [зятя] ночевать в комнате, где [обычно спали] гости;

那人便留劉官人在家 (Цзин, 77)

На жэнь бянь лю Лю гуаньжэнь цзай цзя И тогда тот человек оставил господина Лю у себя дома.

從 **цун** — глагол «следовать» и предлог, дополнение с которым указывает чаще всего исходный пункт или, редко, исходный момент действия (стоит перед глаголом-сказуемым); предлог 從 **цун** может вводить существительное со значением лица, у которого что-то берется:

張勝從先父在員外宅裏二十餘年 (Цзин, 47)

Чжан Шэн цун сянь фу цзай юаньвай чжэй-ли эр ши юй нянь Я (Чжан Шэн) последовал за покойным отцом, который находился у господина больше двадцати лет;

小夫人便從懷裏取出數珠 (Цзин, 53)

Сяофуцзэнь бянь цун хуай-ли цюйчу шучжэ Госпожа тогда вынула из-за пазухи четки;

從小伏侍郡王 (Цзин, 9)

Цун сяо фуши цзюньван Он с детства служил князю;

我從丈人家借辦得幾貫錢來養身活命 (Цзин, 79)

Во цун чжанжэньцзя цзепаньдэ цзи гуань цянй лай ян шэнь хо мин Я взял в долг у тестя несколько связок монет на прожитие.

去 *цюй* — глагол «уходить» и предлог, дополнение с которым обозначает исходный пункт и всегда стоит перед глаголом-сказуемым:

卻是往那裏去的 (Цзин, 81)

Цюэ ши ван нали цюй ды? Куда это вы идете?

用手去懷裏提出件物來 (Цзин, 52)

Юн шоу цюй хуай-ли тичу цзянь у лай Она достала из-за пазухи какую-то вещь;

張勝去房中取出 (Цзин, 55)

Чжан Шэн цюй фан-чжун цюйчу Чжан Шэн принес [четки] из комнаты.

與 *юй* — глагол «давать» и предлог, дополнение с которым обозначает либо лицо, для которого совершается действие (стоит перед глаголом-сказуемым), либо лицо, которому передается предмет, обозначенный прямым дополнением (стоит обычно после прямого дополнения, следующего непосредственно за глаголом-сказуемым; прямое дополнение может быть вынесено вперед с помощью *把 ба* или *將 цзян* либо опущено, если упоминалось несколько раньше):

小夫人與我十文金錢 (Цзин, 48)

Сяофужэнь юй во ши вэнь цзинь цянй Госпожа дала мне десять золотых монет;

你與我叫住那排軍 (Цзин, 13)

Ни юй во цзяочжун на пайцзюнь Ты позови мне этого посыльного;

郡王與夫人解粽 子 (Цзин, 20)

Цзюньван юй фужэнь цзе цзунцзы Князь разворачивал женам *цзунцзы*;

遞些物與李主管 (Цзин, 47)

Ди се у юй Ли чжугуань Она передала приказчику Ли какие-то вещи;

劉官人無端把他典與人了 (Цзин, 81)

Лю гуаньжэнь у дуань ба та дянь юй жэнь ляо Господин Лю безо всякого повода отдал ее в залог какому-то человеку;

小夫人便從懷裏取出數珠遞與婆婆 (Цзин, 53)

Сяофужэнь бянй цун хуай-ли цюйчу шучжун, ди юй попо Госпожа тогда вынула из-за пазухи четки и передала матери [Чжан Шэна].

用 *юн* — глагол «применять», «использовать», «употреблять» и предлог, вводящий инструментальное дополнение (стоит перед глаголом-сказуемым):

老兄用得着時便來相幫 (Цзин, 77)

Лаосюн юндэчжао ши, бянй лай сян бан Если я могу быть вам полезен, я помогу вам;

用手去懷裏提出件物來 (Цзин, 52)

Юн шоу цюй хуай-ли тичу цзянь у лай Она достала рукой из-за пазухи какую-то вещь;

則可用藥補之 (Чжу, 44, 4а)

Цзэ кэ юн яо бу чжи И тогда его (сознание) можно лечить лекарством.

對 *дуй* — глагол «обращаться к» и предлог, который вводит дополнение со значением адресата речи; как правило, употребляется при глаголах *說 шо* «говорить», *道 дао* «сказать», *說道 шодао* «сказать» (стоит всегда перед глаголом-сказуемым):

對着郡王道... (Цзин, 13)

Дуйчжао цзюньван дао... Обращаясь к князю, он сказал...

長老對衆僧說... (Цзин, 23)

Чжанлао дуй чжун сэн шо... Настоятель сказал монахам...

一向不會對你說知 (Цзин, 90)

Исян буцэн дуй ни шо чжи До сих пор я никогда не говорил тебе [об этом].

Предлог 對 *дуй* может указывать направление действия; переводится различными предложениями (стоит перед глаголом-сказуемым):

對鏡中見這頭髮斑白 (Цзин, 43)

Дуй цзин-чжун цзянь чжэ тоуфа баньбай В зеркале он увидел, что волосы на голове начали седеть.

替 *ти* — глагол «заменять», «сменять», «подменять» и предлог со значением «для», «ради», «вместо», «за», «у», который вместе с дополнением стоит перед глаголом-сказуемым:

這錢自有人替我出 (Цзин, 24)

Чжэ цян цзы ю жэнь ти во чу Есть кому вместо меня отдать деньги [князю];

可常之罪僧輩不敢替他分辨 (Цзин, 22)

Кэ-чан-чжи цзуй, сэнбэй бу гань ти та фэньбянь? Смеем ли мы ради Кэ-чана оправдывать его преступление?

二姐替劉官人接了錢放在桌上 (Цзин, 78)

Эр цзе ти Лю гуаньжэнь цзеляо цян, фан цзай чжо-шан Вторая жена приняла у господина Лю деньги и положила на стол.

就 *цзю* — глагол «продвигаться к», «приближаться к» и предлог со значением «из» или «в»; дополнение с этим предлогом всегда стоит перед глаголом-сказуемым:

就轎子裏不見了秀秀養娘 (Цзин, 14)

Цзю цзяоцзы-ли бу цзяньляо Сю-сю яннан Из паланкина исчезла служанка Сю-сю;

就潭州市裏討問房屋 (Цзин, 7)

Цзю Таньчжоу ши-ли тао цзянь фангу Они сняли комнату в Таньчжоу;

而就此起計較生愛欲 (Чжу, 44, 236)

Эр цзю цы ци цзи цзяо шэн ай юй И [именно] из этого [«я»] возникают [различные] измерения и сравнения и рождаются любовь и желания.

着 (著) *чжао* — глагол «применять», «употреблять» и предлог с инструментальным значением; дополнение стоит перед глаголом-сказуемым:

再着些甜話兒調和他 (Шуй А, 90)

Цзай чжао се тянь хуаэр тяохэ та Да еще несколькими ласковыми словами вы соблазните ее;

可着甚的去買那 (Юань, 335)

Кэ чжао шэньды цюй май на? На что же я куплю [тебе лепешку]?

若只著題目斷了 ... (Чжу, 44, 30а)

Жо чжи чжао тиму дуаньяо... Если же судить только по теме...

向 *сян* — глагол «поворачиваться к», «обращаться лицом к» и предлог, дополнение с которым может обозначать исходный пункт (стоит перед глаголом-сказуемым), а также направление действия или движения (стоит после глагола-сказуемого), может указывать и лицо, к которому обращена речь (стоит перед глаголом-сказуемым):

心向那裏 (Чжу, 44, 3а)

Синь сян нали Сознание обращается туда;

又向衣袖裏取出一錠五十兩大銀 (Цзин, 48)

Ю сян исю-ли цюйчу и чжань у ши лян да инь Она из рукава достала слиток серебра в пятьдесят лян;

大王向那地上拾些土塊，拋向屋上去 (Цзин, 89)

Дайван сян на ди-шан ши се тукуай, пао сян у-шан цюй Атаман поднял ком земли и бросил на крышу;

玉梅向丈夫說道 ... (Цзин, 100)

Юй-мэй сян чжанфу шодао... Юй-мэй сказала мужу...¹¹.

Обращает на себя внимание стабильность исходной семантики служебных слов в случаях, когда одно из них исторически сменяет другое; так, предлог 把 *ба* (от глагола 把 *ба* «держать»), упоминавшийся выше и сохранившийся в современном языке, оттеснил предлог 將 *цзян* от исходного знаменательного глагола 將 *цзян* «держать», характерный для среднекитайского языка и несвойственный современному китайскому.

В этой связи следует отметить, что в языках типа китайского обычны также служебные слова, имеющие именное происхождение. Это, в частности, послелог (например, послелог 上 *шан* «на» от существительного 上 *шан* «верх», «верхняя часть»; послелог 下 *ся* «под», «ниже», «у» от существительного 下 *ся* «низ», «нижняя часть»; послелог 中 *чжун* «в» от существительного 中 *чжун* «середина», «центр»; послелог 裏 *ли* «в», «внутри» от существительного 裏 *ли* «подкладка», «внутренняя сторона») и так называемые классификаторы, характеризующие конкретный класс предметов и помещаемые между числительным и существительным, именуемым исчисляемым предметом (— 頂轎兒 *идин цзяоэр* «одна-крыша паланкин»; — 頭水牛 *тоу шуйню* «одна-голова буйвол»; — 口羊 *икоу ян* «один-рот баран»; — 處客店 *ичу кэдянь* «одно-место постоялый двор»; — 顆珠 *икэ чжу* «одно-зерно жемчуг» и т.д.).

Специфика китайского языка в плане межуровневых отношений интересным образом проявилась в документах, написанных особым, так называемым «канцелярским стилем», возникшим в эпоху монгольского владычества в Китае (1280–1368) под прямым влиянием монгольского языка. Эта разновидность китайского языка достаточно богато представлена высокоаутентичными текстами — указами и дарственными грамотами монгольского двора в Китае, обычно увековечивавшимися на каменных стелах в различных буддийских и даосских храмах, монастырях и т.д., значительное число которых сохранилось поныне. Они были изданы Цай Мэй-бяо в 1955 г. в Пекине¹². Большинство из включенных в это издание надписей представляют собой официальные документы, переведенные с монгольского языка. Тексты надписей воспроизведены главным образом по эстампам, снятым с подлинных стел. Небольшое количество эстампажей сделано непосредственно со стел, еще сохранившихся, основная же часть их собрана по различным библиотекам и хранилищам (сами стелы за редким исключением не сохранились). Малая доля этих эстампажей была прежде опубликована Фэн Чэн-цзюнем¹³, большинство же публикуется впервые. Издание Цай Мэй-бяо не свободно от разного рода ошибок, которые, однако, не препятствуют использованию текстов для наших целей.

Монгольско-китайская языковая интерференция, отразившаяся в этих документах, тем более заслуживает внимания, что названные языки различаются как морфологическим типом (китайский — язык изолирующий, монгольский — агглютинирующий), так и синтаксическим строем (нормальный порядок слов в китайском — SVO, в монгольском — SOV). Рассматриваемая «канцелярская» разновидность китайского, калькирующая монгольские оригиналы соответствующих документов, что приводит к значительным отступлениям от китайской синтаксической нормы, требует для правиль-

¹¹ На просмотренных страницах нам не встретились в глагольном, знаменательном значении только морфемы 替 *ти*, 就 *цзю*, 着 *чжао*.

¹² 蔡美彪. 元代白話碑集錄 (Цай Мэй-бяо. Сборник надписей на байхуа на стелах юаньской эпохи). Пекин, 1955.

¹³ 馮承鈞. 元代白話碑考 (Фэн Чэн-цзюнь. Исследование надписей на байхуа на стелах юаньской эпохи). Шанхай, 1933.

ного понимания смысла текста использования некоторых компенсирующих средств — «морфологических» и лексических.

Ввиду преимущественно формульного содержания текстов интересующий нас материал в них не отличается разнообразием. Все же он достаточно показателен, чтобы служить самостоятельным объектом внимания. Следует оговорить, что речь может идти только о грамматическом и лексическом уровнях (но не о фонетическом), поскольку мы располагаем лишь текстами, записанными иероглифическим письмом и функционировавшими только в письменном виде.

Идентичные монгольские тексты, исполненные квадратным письмом и представляющие собой оригиналы названных документов, также сохранились, но в значительно меньшем количестве¹⁴. Сличение тех и других позволяет судить, насколько точно переводился монгольский текст на китайский язык, каковы были принятые принципы перевода, и главное, во многом облегчает понимание самого механизма интерференции.

1. Наиболее ярким примером «морфологической» компенсации изменения порядка слов служит оформление косвенного дополнения при глаголах давания и отнимания. Косвенное дополнение (адресат) в стандартном китайском занимает позицию после следующего за глаголом прямого дополнения (объекта). При глаголе 與 юй «давать» косвенное дополнение следует непосредственно за ним и не требует никакого оформления:

小夫人與我十文金錢 (Цзин, 48)

Сяофуцзэнь юй во ши вэнь цзиньчэнь Госпожа дала мне десять золотых монет.

При прочих глаголах давания и отнимания это 與 юй уже как предлог должно предшествовать косвенному дополнению:

送些錢鈔與公人 (Цзин, 22)

Сун се чэньчао юй гунцзэнь [Настоятель] подарил немного денег чиновнику;

遞些物與李主管 (Цзин, 47)

Ди се у юй Ли чжугуань Она передала приказчику Ли какие-то вещи;

不知他賣我與甚色樣人家 (Цзин, 78)

Бу чжи та май во юй шэнь сэян жэньчэя Неизвестно даже, какому человеку он продал меня.

В документах монгольской канцелярии, как и в монгольском, оба дополнения стоят перед глаголом, причем косвенное предшествует прямому. В монгольском первое оформляется суффиксом датива-локатива, а в китайских переводных документах этому оформлению соответствует служебное слово 根底 *гэньди* (根的 *гэньды*),

¹⁴ Такое сопоставление оказалось для нас возможным благодаря публикациям А.М. Позднеева (см.: *Позднеев А.М.* Лекции по истории монгольской литературы. Ч. 2. СПб., 1897) и Н.Н. Поппе (см.: *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. М.—Л., 1941), включающим транскрипцию текстов и их перевод. Мы привлекли два текста из издания А.М. Позднеева (соответствуют китайским № 64 и 75 в издании Цай Мэй-бяо) и четыре текста из издания Н.Н. Поппе (соответствуют китайским № 23, 64, 65 и № 75 в издании Цай Мэй-бяо), которые вместе с другими работами дали весьма солидное основание для изучения вопросов монгольско-китайского языкового взаимодействия и его результатов. В этой связи следует несколько слов сказать о работе Н.Н. Поппе. Работа Н.Н. Поппе, специально посвященная квадратной письменности, состоит из следующих разделов: введение (содержащее краткий очерк истории квадратной письменности), квадратный алфавит (в котором разбираются знаки алфавита и устанавливается их произношение), языковые особенности памятников квадратного письма, тексты и переводы, примечания, словарь. Эта работа была закончена в начале 1937 г., однако в силу технических трудностей она была опубликована лишь в 1941 г. За это время успела выйти в свет книга М. Левицкого (*Lewicki M.* Les inscriptions mongoles inédites en écriture sagée. Wilno, 1937), содержащая публикацию ряда памятников квадратного письма, исследованных Н.Н. Поппе. В 1957 г. появилось переиздание книги Н.Н. Поппе на английском языке (*Poppe N.N.* The Mongolian Monuments in hP'ags-pa Script. Wiesbaden, 1957), расширенное за счет лексики памятников, обнаруженных после 1941 г.

выступающее как послелог, так что получается порядок слов: косвенное дополнение (послелог 根底 *гэньди*) — прямое дополнение — сказуемое (глагол 與 *юй*). Например:

奉元路大重陽萬壽宮裏並下院宮觀裏住的先生每根底，執把行的聖旨與了也 (Цай, № 64)

Фэньюаньлу да Чунъян ваньшоугун-ли бин сяюань гун-гуань-ли чжу-ды сяньшэнмэй-гэньди, чжиба син-ды шэнчжи юляо е Мы дали указ, который следует держать и согласно которому следует поступать, даосам большого монастыря Чунъян ваньшоугун, а также подворий и монастырей округа Фэньюаньлу.

Косвенное дополнение (奉元路大重陽萬壽宮裏並下院宮觀裏住的先生每根底 Фэньюаньлу да Чунъян ваньшоугун-ли бин сяюань гун-гуань-ли чжу-ды сяньшэнмэй-гэньди даосам большого монастыря Чунъян ваньшоугун, а также подворий и монастырей округа Фэньюаньлу) в этой формуле вообще не может находиться после глагола. В тех редких случаях, когда прямое дополнение (執把行的聖旨 чжиба син-ды шэнчжи указ, который следует держать и согласно которому следует поступать), следуя правилам китайского языка, оказывается после глагола (Цай, № 49, 54, 89, 91), косвенное дополнение все равно предшествует глаголу.

В оригинальных китайских текстах слово 根底 *гэньди* (но чаще — 根前 *гэньцянь*) употребляется и в знаменательном значении («перед», «вперед»), и в служебном — как послелог («около», «рядом», «у»), но описанной выше конструкции с ним там не отмечено.

2. В стандартном китайском языке личное местоимение, употребляемое как определение (в притяжательном значении), предшествует определяемому. Ту же позицию занимает притяжательное местоимение в монгольском, но там, кроме того, существуют лично-притяжательные частицы, различающиеся по лицам и числам и представляющие собой усеченные формы соответствующих личных местоимений. В отличие от полных местоимений они занимают позицию после определяемого слова. Как отмечает Г.Д. Санжеев, «в классическом языке мы имеем, в сущности, не частицы личного притяжания, а сохранившуюся постпозицию лично-местоименных определений»¹⁵.

В переводных китайских документах эти частицы передаются обычными личными местоимениями, которые занимают несвойственную китайскому языку позицию после определяемого. Так, в формуле «В их храмах и в их жилищах пусть не останавливаются официальные посланцы» (這的每宮觀裏，他每的房舍裏，使臣休安下者 Чжэдымэй гун-гуань-ли, тамэйды фан-шэ-ли, шичэнь сю анься чжэ; Цай, № 65) выражение «в их жилищах» по нормам китайского языка должно выглядеть как 他每的房舍裏 *тамэйды фан-шэ-ли*, где 他每的 *тамэйды* (他的 *тады*) «их» предшествует определяемому (как в приведенном выше примере); однако наблюдаются и такие случаи, когда оно следует за определяемым словом (оформленным послелогом 裏 *ли* или без него), копируя позицию монгольской частицы *ати*:

這的每宮觀房舍裏他每的，使臣休安下者 Чжэдымэй гун-гуань фан-шэ-ли *тамэйды*, шичэнь сю анься чжэ (Цай, № 84);

這的每寺裏房舍他的，使臣休安下者 Чжэдымэй сы-ли фан-шэ *тады*, шичэнь сю анься чжэ (Цай, № 55);

這的宮裏房子他的，使臣休安下者 Чжэды гун-ли *фанцы тады*, шичэнь сю анься чжэ (Цай, № 81).

Определение, выраженное местоимением третьего лица, встречается также в формуле «Пусть [никто] не отнимает и не требует то, что принадлежит монастырю: воды

¹⁵ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953. С. 179.

и земли... их, что бы это ни было» (但屬寺家的水土...不揀甚麼他的, 休奪要者 *Дань шу сыця-ды шуй-ту... бу цзянь шэмма тады, сю до яо чжэ*; Цай, № 72); оно здесь относится к выражению 不揀甚麼 *бу цзянь шэмма* («что бы это ни было», «безразлично что», «ничего») и, как правило, находится после него:

但屬宮觀裏的水土...不揀甚麼他的 *Дань шу гун-гуань-ли-ды шуй-ту... бу цзянь шэмма тады* (Цай, № 64);

但屬宮觀的水土...不揀其他每的 *Дань шу гун-гуань-ды шуй-ту... бу цзянь шэнь тамэйды* (Цай, № 65).

По-видимому, ощущение необходимости уточнения смысла повлекло приводимые ниже в качестве примеров отклонения в ее построении:

不揀甚麼他每的有呵 *бу цзянь шэмма тамэйды ю а* (Цай, № 63);

一切等物但是他每的 *иче дэн у дань ши тамэйды* (Цай, № 75);

不揀甚麼他的寺院裏 *бу цзянь шэмма тады сы-юань-ли* (Цай, № 74);

不揀甚麼他每根底 *бу цзянь шэмма тамэй гэньди* (Цай, № 48).

Ненормативность этой и предыдущей конструкций компенсируется в некоторых случаях лексически — включением между определяемым и местоимением-определением различных поясняющих слов.

3. Прямая речь в стандартном китайском вводится предшествующим ей глаголом говорения.

В переводных с монгольского документах, где имеются прецедентные ссылки на предшествующих правителей, носящие характер цитат, такие цитаты вводятся, как и в монгольском, постфиксирующим глагольным выражением со значением «так сказано» (麼道 *мадао*), представляющим собой кальку с монгольского (после нее возможны модальные частицы 來 *лай* и 有來 *ю-лай*). Недостаточная ясность этой конструкции, вызванная и изменением порядка слов и употреблением кальки, влечет за собой избыточное употребление вслед за 麼道 *мадао* обычных китайских глаголов речи — 說 *шо* или 道 *дао*, в результате получаются смешанные варианты: 麼道 說 *мадао шо* или 麼道 道 *мадао дао*.

4. Первая часть предупреждающей формулы в документах, гласящая «ссылаясь на обладание указом» (букв. «обладаем указом, говоря»), в китайских текстах документов обычно передается как 有聖旨麼道 *ю шэнчжи мадао*, что также противоречит синтаксической норме китайского языка. Поэтому встречаются различные другие ее варианты, например, когда перед глаголом 有 *ю* «иметь», «обладать» ставится еще глагол — либо 倚 (倚着) *и (ичжао)* «опираться» (有 *ю* в этом случае может опускаться):

這的每倚有聖旨麼道 ... (Цай, № 77)

Чжэдымэй и ю шэнчжи мадао... Они, ссылаясь на обладание указом...

либо какой-нибудь из китайских глаголов речи: 說 *шо*, 道 *дао*, 說道 *шодао* (тогда слово 麼道 *мадао* становится факультативным, его присутствие не обязательно, см.: Цай, № 44, 58, 74, 75, 78, 88); при отсутствии 麼道 *мадао* получается нормальная для китайского языка конструкция:

這和尚每道有聖旨 ... (Цай, № 88)

Чжэ хэшанмэй дао ю шэнчжи... Эти буддийские монахи, говоря, что они обладают указом...

5. Конструкция наличия в стандартном китайском имеет вид: «обстоятельство места — глагол 有 *ю* („есть“, „имеется“) — подлежащее»; обстоятельство места может отсутствовать¹⁶.

¹⁶ Драгунов А.А. К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка // Некоторые вопросы китайской грамматики. М., 1957. С. 8–15.

В переводных с монгольского документах имеет место обычно обратный китайскому порядок слов, т.е. «подлежащее – глагол 有 ю» (как правило, без обстоятельства места). Ввиду необычности такого построения допускаются и «компромиссные» случаи, когда глагол 有 ю употребляется дважды — и перед подлежащим (как в стандартном китайском), и после подлежащего (как в переводных китайских документах):

不曾毀壞了的有呵，毀壞了者 (Цай, № 4а)

Буцэн хуэйхуайляо-ды ю а, хуэйхуайляо чжэ Если есть так и не уничтоженные [тексты «Хуа ху цзин» и доски для их печатания], их надо уничтожить;

別了的和尚每有呵，遣趕出寺者 (Цай, № 90)

Беляо-ды хэшанмэй ю а, цянь ганьчу сы чжэ Если окажутся монахи, нарушающие [эти правила], их следует выгнать из монастыря;

若有釋迦牟尼佛次下安置來底有呵，毀了者 (Цай, № 27)

Жо ю Шицзямуни-Фо цыся аньчжи лай-ди ю а, хуэйляо чжэ Если есть такие [изображения], где Будда-Шакьямуни помещен в менее почетном месте, то их следует уничтожить.

Выше мы привели примеры того, как синтаксическая неправильность фраз корректируется различными средствами — «морфологическими» и лексическими. Возможны, однако, и такие случаи, когда использование тех или иных служебных или знаменательных элементов провоцируется желанием достичь полной аналогии монгольскому оригиналу, но с точки зрения синтаксиса китайского языка оказывается избыточным; это так называемые «уточняющие» средства, не связанные с синтаксисом. Как это выглядит, показывают следующие примеры.

1. В документах употребляется своеобразная конструкция, определяющая лицо или предмет по месту его нахождения. Стандартному китайскому она не свойственна и своим появлением обязана копированию монгольского оригинала. В монгольском языке сложное словосочетание образуется при помощи глагола и оформляется как причастный или деепричастный оборот¹⁷; в монгольских оригиналах интересующих нас документов подобные сочетания передаются с помощью причастий настоящего и будущего времени от глаголов бытия *a-* и *bu-* (*aqi*, *aqin* и *buk'u*, *buk'un*) и практически представляют собой причастные обороты со значением «бытующий», «находящийся в», «принадлежащий к» и т.д. Этим обусловлено появление в китайских текстах документов совершенно несвойственных стандартному китайскому языку конструкций с глаголами 有 ю «иметься», «находиться», 屬 *шу* «принадлежать» (который в отличие от остальных глаголов находится перед названием округа), 住 *чжу* «жить» и др.

Так, фраза «надзиратели в Лунсингуани, Хуньюаньгуне, Яньсягуани, Юйцюаньгуани области Ичжоу округа Баодинлу» в китайском тексте документа передается как:

保定路易州有的龍興觀，洪元宮，煙霞觀，玉泉觀裏有的提點 (Цай, № 75)

Баодинлу Ичжоу ю-ды Лунсингуань, Хуньюаньгун, Яньсягуань, Юйцюаньгуань-ли ю-ды тидянь, т.е. букв. «надзиратели, находящиеся в Лунсингуани, Хуньюаньгуне, Яньсягуани, Юйцюаньгуани, находящихся в области Ичжоу округа Баодинлу»; первый глагол 有 ю передает здесь *buk'un*, а второй — *aqin* монгольского текста.

Приведем примеры с другими глаголами:

奉元路大重陽萬壽宮裏並下院宮觀裏住的先生每根底 (Цай, № 64)

¹⁷ Как отмечает Г.Д. Санжеев, в монгольских языках «развернутый член предложения представляет собою причастный или деепричастный оборот; прочих же видов развернутого члена предложения до самого последнего времени не было в силу, во-первых, отсутствия особых союзов подчинения и, во-вторых, в силу того, что в этих языках какое-либо сложное словосочетание возможно лишь при помощи глагола» (см.: Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика. Т. I. С. 122).

Фэньюаньлу да Чунъян ваньшоугун-ли бин сяюань гун-гуань-ли чжу-ды сяньшэн-мэй-гэньди даосам большого монастыря Чунъян ваньшоугун, а также подворий и монастырей округа Фэньюаньлу (букв. «даосам, живущим в...»; глаголом 住 чжу здесь передается *ади* монгольского оригинала);

彰德路有的善應儲祥宮裏住持的提點 (Цай, № 65)

Чжандэлу ю-ды Шаньин чусянгун-ли чжучи-ды тидянь надзиратель храма Шаньин чусянгун округа Чжандэлу (букв. «надзиратель, управляющий храмом Шаньин чусянгун, находящимся в округе Чжандэлу»; глагол 有 ю здесь передает *buk'u*, а 住持 чжучи передает *ади* монгольского оригинала);

屬眞定路的元氏縣裏有的開化寺裏 (Цай, № 63)

Шу Чжэньдинлу-ды Юаньшисянь-ли ю-ды Кайхуасы-ли в монастыре Кайхуасы в уезде Юаньшисянь округа Чжэньдинлу (букв. «в монастыре Кайхуасы, находящемся в уезде Юаньшисянь, принадлежащем округу Чжэньдинлу»).

2. Дополнение со значением бенефицианта, как и в стандартном китайском, вводится в китайских текстах документов вышеупомянутым предлогом 與 юй и стоит перед глаголом. В отличие от оригинальных китайских текстов того же времени в документах дополнение может опускаться — сохраняется один предлог:

與咱每告天祈福者 (Цай, № 76)

Юй цзэмэй гао тянь ци фу чжэ Пусть они для нас вызывают к Небу и просят счастья;

與告天祈福者 (Цай, № 84)

Юй гао тянь ци фу чжэ Пусть они для [нас] вызывают к Небу и просят счастья.

Такое дополнение может оформляться и послелогом 根底 гэньди (根的 гэньды) (который, как отмечалось выше, оформляет и косвенное дополнение — адресат действия), хотя в данном случае нет никаких синтаксических нарушений:

告天者，咱每根底祈福者 (Цай, № 77)

Гао тянь чжэ, цзэмэй-гэньди ци фу чжэ Пусть они вызывают к Небу и просят для нас счастья.

Возможен и «компромиссный» вариант — с предлогом 與 юй и послелогом 根底 гэньди (根的 гэньды) одновременно:

告天與咱每根底祝壽者 (Цай, № 86)

Гао тянь юй цзэмэй-гэньди чжу шоу чжэ Пусть они вызывают к Небу и просят для нас долголетия.

Грамматическими иррегулярностями и были обусловлены в первую очередь обще-признанные трудности в понимании китайских текстов, переведенных с монгольского. Не случайно тексты такого характера, как избыточные «вульгаризмами» и «темными местами», не были в свое время включены в свод «Сы-ку цюаньшу цзунму». Э. Шаванн, опубликовавший в начале прошлого века большое число документов-надписей, писал в связи с текстом указа 1314 г. (Цай, № 64): «Китайский его текст отталкивал синологов своими непонятными местами, и они были склонны использовать перевод, сделанный с монгольского текста, а из китайского текста брали лишь имена собственные, упоминаемые в указе»¹⁸. Монголисты, в свою очередь, во многих случаях не могли обойтись без китайского текста (прежде всего из-за китайских заимствований в монгольском тексте).

Действительно, не зная монгольского языка и не привлекая монгольских оригиналов, невозможно понять до конца структуру китайских текстов, вышедших из

¹⁸ *Chavannes E.* Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung Pao. Sér. II (Leide). 1904. Vol. 5. С. 416.

монгольской канцелярии, поскольку, как было показано выше, синтаксические конструкции оригинала не всегда имеют адекватные параллели в языке перевода. В то же время проведенный нами анализ большого числа текстов этого рода показывает, что наблюдаемые в них отклонения от норм китайского языка отнюдь не хаотичны и имеют свои строгие закономерности, объясняемые языковой интерференцией¹⁹. Собственно говоря, и у этой разновидности языка есть своя норма — язык этот оперирует традиционными формулами, носящими стандартизованный характер и не являющимися продуктом индивидуального творчества отдельных переводчиков и писцов.

Решающим обстоятельством, обусловившим появление «канцелярской» разновидности китайского языка и представляющих ее письменных документов, послужило то, что главным официальным языком в стране стал язык чужеземный — монгольский, обучение которому китайцев не поощрялось, а потому общение властителей с покоренным народом должно было идти в основном через переводчиков. Процесс «монголизации» китайского, таким образом, не был естественным — он осуществлялся насильственным путем. Однако это не снижает интереса к данному явлению, а скорее его повышает — налицо пример языковой интерференции, вызванной законодательными актами, установившими социальную иерархию языков завоевателей и покоренных. В то же время при всей своей искусственности такой «интерферированный» китайский язык должен был быть понятен китайцам — ведь документы этого рода, высекавшиеся на каменных стелах в буддийских и даосских монастырях, адресовались китаезычному местному населению. В противном случае само появление таких надписей, имевших широкое распространение в течение всего периода правления монгольской династии, лишается смысла.

Подобные вторжения иноязычного строя в структуру китайского языка в силу их неорганичности оказались недолговечными. С падением юаньской династии рассматриваемая разновидность китайского прекратила существование.

Сокращенные обозначения использованных текстов

Дх. — Дуньхуан бьяньвэнь цзи. Сост. Ван Чжун-минь и др. (敦煌變文集. 王重民等編). Пекин, 1957.

Цай — *Цай Мэй-бяо*. Юань дай байхуа бэй цзи лу (蔡美彪. 元代白話碑集錄). Пекин, 1955; указывается номер документа.

Цзин — Цзин бэнь тунсу сяошо (京本通俗小說). Шанхай, 1954.

Чжу — *Чжу Си*. Юй цзуань Чжу-цзы цюаньшу (朱喜. 御纂朱子全書), ксилограф СПбФ ИВ РАН, шифр Е-193; указываются цзюань, страница и сторона.

Ши — Юань-чао би-ши (元朝秘史). Шанхай, 1936; указываются цзюань и страница.

Шуан — Шуан энъ цзи (竇恩記), рукопись СПбФ ИВ РАН, шифр Ф-96; указывается номер строки.

Шуй А — *Ши Най-ань*. Шуй ху (施耐菴. 水湖). Пекин, 1953.

Юань — Юань жэнь цзацзюй сюань (元人雜劇選). Пекин, 1959.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Зограф И.Т. Монгольско-китайская интерференция (язык монгольской канцелярии в Китае). М., 1984.

Summary

I.T. Zograph

Interlevel Relationships and Language Interference

(according to the Records of Mongolian Chancellery)

For Chinese, a language whose main linguistic unit — the word — has no explicit grammatical (be it connected with syntax or morphology) meaning in itself, outside any syntactic structure, and, therefore, traditionally is not included into the framework of morphology, it seems reasonable to study both lexical and grammatical levels by opposing autosemantic words to auxiliary and/or function elements of the language. The peculiarities of the Chinese language as concerns interlevel relations represent themselves specifically in the so-called chancellery style caused directly by the Mongol language and being in use in China under the Mongol domination (1280–1368). These features are given a particularly detailed review in the article.